

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С. Б. Манышев

Шейх Мансур

в материалах
кизлярского и моздокского
комендантских архивов

Сборник документов

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
М23

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Утверждено к печати Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор: П.И. Тахнаева
Рецензенты: В.О. Бобровников, М.М. Ваचाгаев

Манышев С.Б.

М23 Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сб. документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. — М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС-ХИСТОРИ, 2022. — 464 с.: 8 л. ил. — (Кавказская библиотека).

ISBN 978-5-6046483-5-3

Шейх Мансур — одна из ключевых фигур в северокавказской истории второй половины XVIII в. До настоящего времени документы о его деятельности не опубликованы в полном объеме. Вошедшие в сборник материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан и Центрального исторического архива Грузии восполняют этот пробел и освещают не только русско-чеченские отношения конца XVIII в., но и в целом ситуацию в Северо-Кавказском регионе.

Особенно ценными и интересными для исследования являются документы «низового» уровня переписки, касающейся шейха Мансура и его деятельности. Они рисуют события языком фактов, а не победных реляций.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

В оформлении обложки использована раскрашенная гравюра В. Мельникова по рисунку Е. Корнеева «Чеченцы». Начало XIX в.

ISBN 978-5-6046483-5-3

© Манышев С.Б., предисл., вступ. ст., коммент., указатели, 2022
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2022
© ООО «ИКС-ХИСТОРИ», 2022

ШЕЙХ МАНСУР В ЗЕРКАЛЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННОКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

(Вместо предисловия)

«Шейх-Мансур не был ученым, а по словам Шамиля, он даже вовсе не знал грамоты, но взамен того он владел необыкновенным даром слова, который при его мужественной и увлекательной наружности имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза или поражает слух.

Настоящее имя этого предводителя Ушурман, а то, которое сделало его известным на Кавказе, было не что иное, как прозвище, данное в честь

¹ За рамками обзора осталась зарубежная историография. Очерки о Мансуре на протяжении длительного времени входили в состав обобщающих работ по истории Кавказа (*Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. — London: Longmans, Green and Co., 1908. — P. 47–56; *Berkok İ.* Tarihte Kafkasya. — İstanbul: Matbaası, 1958. — S. 381–398; *Gammer M.* The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2006. — P. 17–28; *King C.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. — New York: Oxford University Press, 2008. — P. 66–67; *Anchabadze G.* The Vainakhs (the Chechen and Ingush). — Tbilisi: Caucasian House, 2009. — P. 54–57), а также публиковались специальные статьи (*Güsar V.* Uşurman-Şeyh Mansur, 1722–1794 // *Yeni Kafkas*. — 1957. Sy. 1. — S. 6–9; *Batirhan B.* Şeyh Mansur // *Kafkasya*. — 1965. Sy. 6. — S. 4–8). Особенно необходимо выделить работы, которые написаны на материалах турецких и болгарских архивов, существенно меняющие исследовательскую оптику (*Bennigsen A.* Un mouvement populaire au Caucase au XVIIIe siècle. La “Guerre Sainte” du sheikh Mansur (1785–1791), page mal connue et controversée des relations Russo-Turques // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. — 1964. Vol. 5. № 2. — P. 159–205; *Arslan A.* Osmanlı Belgelerine Göre İmam Mansur // *Kafkasya’da İslam Medeniyeti. Milletlerarası Sempozyumu Tebliğleri*, Baku, Azerbaycan, 9–11 Aralık 1998 / Hazırlayanlar R. Aliyev, H. Bal. — İstanbul: IRCİCA, 2000. — S. 161–169; *Güne-Yadçı Z.* A Chechen national hero of the Caucasus in the 18th century: Sheikh Mansur // *Central Asian Survey*. — 2003. Vol. 22. Iss. 1. — P. 103–115; *Yüksel A.* Osmanlı İstihbarat Ağı ve İmam Mansur // *OTAM: Journal of The Center for Ottoman Studies Ankara University*. — 2012. Sy. 32. — S. 171–200; *Temizkan A.* Osmanlı Devleti ile Rus Çarlığı Arasında İmam Mansur // *Sûfi Araştırmaları-Sufi Studies*. — 2013. Sy. 8. — S. 1–35).

его заслуг и достоинств: “Мансур” значит “счастливый в своих делах”, “любимый Богом”...

... Тем не менее нам известно, что Шейх-Мансур, взятый нашими войсками в плен, был сослан на Соловецкий остров, где и кончил свое земное поприще. Но не так рассказывает о кончине его существующее у горцев предание.

Оно гласит, что русские, взяв его в плен при осаде Анапы, заключили в бочку, набитую гвоздями, и скатили таким манером в море»¹.

Такое предание о Мансуре было записано приставом Аполлоном Руновским в Калуге от имама Шамиля. Это одно из немногих фольклорных свидетельств, которые сохранились об этом историческом персонаже в народной памяти. Домыслы и загадки, которыми полна биография Мансура, полностью вытеснили реального человека.

Первое осмысление личности Мансура началось почти сразу после пленения: о нем писали современники — участники осады и штурма Анапы в 1791 году, без его образа не обходились авторы работ, посвященных истории Кавказской войны XIX века².

Если обратиться к мемуарной литературе конца XVIII века, то окажется, что о шейхе Мансуре было известно крайне мало. Причем в большинстве своем это были небольшие заметки в несколько строк — воспоминания тех людей, которые видели его при пленении либо составляли свое впечатление на основе относительно достоверной информации, как, например, врач Якоб Рейнегтс или французский дипломат Луи Филипп де Сегюр. При этом российские газеты уже в 1785 году сообщали о действиях Мансура, который «пленил своим поведением простой народ

¹ Руновский А. Легенды, народная медицина, предрассудки и верования дагестанских горцев. (Составлено со слов Шамиля и членов его семейства) // Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук и политики. — 1862. Т. 172. Июль. — С. 10–12.

² Несмотря на некоторую однобокость, вопросы историографии движения Мансура становились предметом исследования: Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х гг. XVIII века // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.П. Крикунов. — Грозный: [б.и.], 1988. — С. 88–100; Джахиов Г.А. Движение горцев Северного Кавказа под руководством Мансура в освещении турецкой историографии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. М.Б. Мужухоева, А.И. Хасбулатова. — Грозный: [б.и.], 1990. — С. 54–56; Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур и народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в 1785–1791 гг. в новейшей отечественной историографии // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2008. Т. 2. № 2. — С. 4–35.

столько, что он почитается теперь предреченным еще задолго пред сим исправителем мусульманской веры»¹.

Первоначально о шейхе Мансуре распространялось множество небылиц, о чем в одном из писем сообщал императрице Екатерине II князь Григорий Потемкин². Для современников он был «фанатиком»³, «лжепророком»⁴ и «мнимым святошей»⁵, который «начал проказничать»⁶. Однако указывалось, что, несмотря на свою безграмотность, Мансур знал наизусть Коран и множество стихов религиозного содержания. Проповедуя, он сумел распространить свое влияние даже на самые отдаленные уголки Кавказа, попытавшись объединить народы на основе религиозных догм. Особенно привлекательным для примкнувших к шейху стали аскетичность и неприхотливость, а также то, что после удачных военных мероприятий Мансур разделял добычу между нуждающимися и больными⁷. Собрав значительное войско, он вооружил горцев, которые «въезжали на русские территории с горячностью, удваивающей их природную доблесть»⁸. Мансуру удалось вселить надежду в местных жителей, говоря о том, что он изгонит с Кавказа русских благодаря «сильной доверенности к нему почти всех народов, на северной стороне Кавказских гор обитавших»⁹. Однако его первоначальные военные успехи сменились поражениями, а французский посол де Сегюр высказывал сомнения относительно полководческого таланта Ман-

¹ Турция. Из Константинополя от 10 ноября // Московские ведомости. — 1785. № 104. — С. 1085.

² Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Издание подготовил В.С. Лопатин. — М.: Наука, 1997. — С. 207.

³ *Ségur L.P. Mémoires ou souvenirs et anecdotes*. Т. II. — Paris: Alexis Eymery, 1826. — P. 400.

⁴ Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы / Сост. Я.А. Гордин, Б.П. Миловидов. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. — С. 66; Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805 / Предисл., примеч. Н. Попова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. I: Январь — март. — М.: В Университетской тип., 1885. — С. 71.

⁵ Жизнь А.С. Пишчевича... — С. 79.

⁶ Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793 / Биограф. ст., указ. Н. Барсукова. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. — С. 366.

⁷ *Reineggs [J.], Bieberstein M.* A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus: With a Catalogue of Plants Indigenous to the Country. Vol. I / Translated by C. Wilkinson. — London: Printed for C. Taylor et al., 1807. — P. 284–285.

⁸ *Ségur L.P.* Op. cit. — P. 400.

⁹ Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича... — С. 66.

сура¹, который был покинут почти всеми последователями и бежал в Анапу, где оставался с незначительным числом своих сторонников².

Выступление Мансура вписывалось в общий контекст беспокойной обстановки на юге Российской империи, в числе которых были нападение ахалцихского паши на Грузию, набеги дагестанцев и турок на Имеретию³. Высшие сановники связывали действия Мансура с приближающейся смертью прусского короля Фридриха II и действиями Франции, по рекомендации которой Турция должна была вступить в войну с Россией, отвлекая ее тем самым от европейских дел⁴. У современников не было сомнений в том, что Мансур действует при финансовой поддержке турок⁵.

Российское кавказоведение в первой половине XIX века еще не оформилось в самостоятельную научную дисциплину. Поэтому основные исследования в этой области проводились военными, которые составляли историко-этнографические и топографические описания региона. Однако эта работа не привела к созданию обобщающего научного труда, так как военные руководствовались в основном чисто практическими задачами: составлением подробных карт для обеспечения военных операций⁶. Сведения об истории Кавказа XVIII века в этих работах отрывочны и, как правило, привязаны к иным сюжетам более позднего времени.

В этот период наметились два основных направления, которые до сих пор господствуют в историографии: одни авторы утверждали, что шейх Мансур связан с Османской империей, называли его «турецким дервишем», у которого была особая секретная миссия, направленная на разжигание мятежа против России⁷. Другие подчеркивали, что подоб-

¹ *Ségur L.P.* Op. cit. — P. 401.

² *Reineggs [J.], Bieberstein M.* Op. cit. — P. 284; Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича... — С. 66; Жизнь А.С. Пишчевича... — С. 79.

³ *Ségur L.P.* Op. cit. — P. 377.

⁴ Екатерина II и Г.А. Потемкин... — С. 208.

⁵ Жизнь А.С. Пишчевича... — С. 71.

⁶ См. подробнее: *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — С. 206–229.

⁷ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. — М.: В тип. С. Селивановского, 1823. — С. 99; *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне / Подготовка текста, предисл., примеч., указ. И.К. Павловой. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. — С. 127; *Бларам-*

ное было невозможно, так как чисто географически Восточный Кавказ располагался слишком далеко, «чтобы пользоваться какими-либо выгодами от преданности турецкому правительству»¹. С деятельностью шейха Мансура связывали окончательную исламизацию чеченцев, а также черкесов и части осетин². Говоря о нем как о «ревностном поборнике исламизма», российские военные выстраивали логическую цепочку событий, приведших к Кавказской войне, рассматривая шейха в качестве предшественника имама Гази-Магомеда³. Сюжет, связанный с появлением Мансура, был одним из многих, на которых не следовало заострять особого внимания. Как отмечал один из русских офицеров в середине 1830-х годов, «незначительность действий большей части его (Мансура. — С. М.) последователей не заслуживает никакого внимания»⁴.

К первой половине XIX века относится и чрезвычайно важное для понимания истории Кавказа сочинение академика Петра Буткова, вышедшее из печати спустя 10 лет после смерти автора⁵. Основываясь на большом пласте архивных материалов, опубликованной литературы, а также личных наблюдениях, автор составил последовательное описание истории русско-кавказских взаимоотношений до начала XIX века. Он коснулся в том числе и деятельности шейха Мансура, постаравшись не давать каких бы то ни было оценок, а сконцентрировавшись на описании фактов⁶.

В 1884 году в журнале «Русская мысль» появилась анонимная статья под названием «Авантюрист XVIII века». И именно с этого момента

берг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с франц., предисл., коммент. И.М. Назаровой. — М.: Надыршин, 2010. — С. 142.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 18507. Л. 65.

² Броневский С. Новейшие географические... — С. 99, 181; [Тереженко А.] Лжепророк Мансур. (Окончание) // Сын отечества: Журнал политический, ученый и литературный. — 1856. № 16. — С. 73; Броневский С.М. Исторические выписки... — С. 127; Бларамберг И. Указ. соч. С. 51, 340.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18507. Л. 66.

⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I: 1801–1839 / Подготовка к печати Г.Е. Грюмберга, С.К. Бушуева. — Махачкала: Даггиз, 1940. — С. 331.

⁵ Подробнее о П.Г. Буткове см.: Косвен М.О. П.Г. Бутков как кавказовед-этнограф. (К 100-летию со дня смерти) // Советская этнография. — 1958. № 1. — С. 90–95.

⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. II. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1869. — С. 199, 201–203 и далее.

в российской науке начинает кочевать совершенно фантастическая идея, согласно которой шейх Мансур — это итальянский проповедник по имени Жан Батиста Боэтти¹. В соответствии с этой версией оказавшийся в Петербурге авантюрист предлагал Григорию Потемкину завоевать Османскую империю. Пробыв в российской столице несколько месяцев, он отправился в Крым, а оттуда — в Константинополь. После этого он появился в Курдистане, где объявил себя мусульманским пророком, завоевал Тифлис и двинулся на Северный Кавказ. А спустя год после начала своей авантюры «беглый итальянский монах был уже мусульманским пророком Мансуром, шейхом Оган-Оглы, безграничным владыкою Курдистана, Армении, Грузии и всего Кавказа»².

Материалы автором были заимствованы из итальянской периодической печати, в которой эта концепция оказалась чрезвычайно живучей. Русский анонимный автор всего лишь пересказал статью, появившуюся в европейской печати за несколько лет до этого³.

Сразу же по выходе этой статьи в российской печати возникли обоснованные сомнения относительно ее главного посыла. Корреспондент газеты «Кавказ» называл представленные факты «бесцеремонным искажением истории чеченского шейха Мансура»⁴. Деконструкция этого мифа чрезвычайно интересна. Итальянские газеты конца XVIII века достаточно подробно освещали деятельность Мансура на Кавказе как один из сюжетов, связанных с событиями, происходившими в бассейне Черного моря. Прежде всего итальянскую публику интересовали вопросы, связанные с религиозной реформой, будто бы предложенной Мансуром. Как свидетельствовали документы из ватиканского архива, он был «авантюристом великого ума и мужества», который «говорит по-татарски, арабски, новогречески, французски и итальянски, но пользуется суеверием для того, чтобы лучше удерживать под своими знаменами народы, над которыми он властвует»⁵.

¹ Подробнее о биографии Ж.Б. Боэтти см.: *Rostagno L. Il profeta Mansur ovvero Giovan Battista Boetti // Rivista degli studi orientali. — 1978. Vol. 51. Fasc. 1/4. — P. 113–116.*

² М. Авантюрист XVIII века // Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический. — 1884. Кн. VII. — С. 313.

³ См.: *Ottino E. Oghan-Oolò, Sceik Mansour. Padre G. Battista Boetti // Curiosità e ricerche di storia Subalpina. Vol. II. — Torino: Fratelli Bocca, 1876. — P. 329–350.*

⁴ А.Е. Закавказский махди в XVIII столетии // Кавказ: Газета политическая и литературная. — 1884. № 144. — С. 2.

⁵ Из ватиканского архива в Риме / [Публ. П. Прокоповича] // Русский архив. — 1905. № 6. — С. 351.

Уже в 1786 году издатели предлагали своим читателям брошюру, в которой в концентрированном виде были изложены эти идеи. Как предполагает ряд исследователей, автором этого сочинения был французский политический деятель Филиппо Буонарроти. Это сочинение вызвало отклик в итальянском обществе: оно демонстрировало проявление общего религиозного кризиса и поиски выхода из него, которые выражались в равенстве между людьми, а Мансур, точнее его образ, созданный анонимным автором, стал восприниматься как своеобразный революционер¹. Очевидно, в это время происходило слияние образов «исламского революционера» и итальянского миссионера Жана Батиста Боэтти, которое на протяжении долгого времени присутствует в историографии. Те идеи, которые проповедовал в конце XVIII века в Мосуле Боэтти, созвучны доктрине, предложенной Мансуром на Кавказе. Очевидно, поэтому в европейском сознании и произошло сращивание в один образ этих двух религиозных проповедников, действовавших где-то на Востоке².

Легенда о Боэтти стала своеобразной развилкой для развития исследований об истории Чечни конца XVIII века. На протяжении второй половины XIX — начала XX века часть авторов воспроизводила без всякой критики версию о европейском происхождении шейха, не прибавляя чего бы то ни было нового к уже известным ранее фактам и домыслам³. Даже такой знаток кавказской истории, как Василий Потто, высказывал сомнение на этот счет и писал о Мансуре: «Итальянский или какой-нибудь другой искатель приключений, сказать наверное невозможно»⁴. Хотя позднее он же признавал чеченское происхождение имама, констатируя, что «ничего таинственного или загадочного в этом лице в сущности не было»⁵.

¹ *Venturi F.* The Legend of Boetti Sheikh Mansur // *Central Asian Survey*. — 1991. Vol. 10. Iss. 1–2. — P. 99–100; *Martelli F.* Un Esempio di Identità Utopica: le Riflessioni Italiane Sulla Realtà del Caucaso tra XV e XVIII secolo // *Problemi di identità tra Medioevo ed Età Moderna. Seminari e bibliografia* / A cura di P. Prodi, V. Marchetti. — Bologna: CLUEB, 2001. — P. 48.

² *Martelli F.* Op. cit. — P. 50.

³ *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. — М.: Центрполиграф, 2007. — С. 105–109; *Прозрителев Г.* Шейх Мансур. (Материалы для истории Кавказской войны) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 1. — Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1911. — Отд. IV. — С. 1–3, 9–13.

⁴ *Потто В.А.* Кавказская война... — С. 110.

⁵ *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Т. II. — Владикавказ: Электронпечатня тип. Терского областного правления, 1912. — С. 149.

Другие историки решительно отвергали домыслы относительно Мансура, говоря о том, что его итальянское или какое бы то ни было другое происхождение — это «выдумка и не имеет ничего общего с проповедником в горах Кавказских»¹. Академик Николай Дубровин обстоятельно изучил материалы Государственного архива Российской империи, включая показания Мансура, данные им после пленения². Николай Волконский приводил отдельные сведения, сохранившиеся о его деятельности в фондах георгиевского архива³; Павел Юдин характеризовал движение на основе документов из кизлярского комендантского архива⁴; а Иван Александров продемонстрировал эвристический потенциал Таврического губернского архива для исследования действий шейха на Западном Кавказе⁵.

Авторы второй половины XIX — начала XX века, подробно изучавшие документы, концентрировали свое внимание в основном на фактической стороне, методично описывая все действия Мансура и контрмеры, предпринимавшиеся российской администрацией. В центре их внимания были военные операции русских войск и те последствия, к которым они приводили. Отдавая должное незаурядной личности имама, его одаренности «от природы гибким умом и сильною волей»⁶, они отмечали, что «вырисовывается он далеко не таким, как его представляют легендарные сказания»⁷, да и сама идея борьбы была обусловлена не столько личностью Мансура, но и процессами, происходившими внутри горских обществ Кавказа⁸. Неграмотный, знавший наизусть лишь необходимые

¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. — С. 86.

² Там же. — С. 86–136 и далее.

³ Волконский Н. Кавказ в 1787–1799 годах. (Из уцелевших остатков Георгиевского архива) // Кавказский сборник. Т. XIV / Под ред. [И. С.] Чернявского. — Тифлис: Тип. А. А. Михельсона, 1890. — С. 16; Волконский Н. Кавказ в 1787–1799 годах. (Продолжение) // Кавказский сборник. Т. XV / Под ред. [И. С.] Чернявского. — Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. — С. 13.

⁴ Юдин П. Лжепророк Ушурма — Ших Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. — 1914. № 10. — С. 217–228.

⁵ Александров И. Шейх имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII века. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56 / Под ред. А. И. Маркевича. — Симферополь: Типолиитография В. И. Якубовича, 1919. — С. 1–38.

⁶ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества... — С. 87.

⁷ Юдин П. Лжепророк Ушурма — Ших Мансур... — С. 218.

⁸ Фарфоровский С. Великий шейх Мансур. (Из истории кавказских волнений) // Русский архив. — 1913. № 12. — С. 830.

молитвы, он «сделался мечтателем и невольно выделился из среды односельчан»¹.

Успех же объяснялся рядом факторов. Широкая пропаганда Мансуром своих весьма скромных военных удач, таких как разгром отряда полковника Николая Пъери, привлекла к имаму большое число последователей. Однако именно признание его «хорошим военным организатором» дало возможность движению длиться несколько лет².

Неизменно возникал вопрос о религиозной составляющей движения. Констатировалось, что, забыв свои разногласия, горцы «поднимают зеленое знамя священного пророка как символ объединения всех»³. Видя то, что чеченцы отступили от норм религии, Мансур решил «жить набожно и честно», и именно это привлекло его последователей⁴. Относительно недавнее распространение ислама также способствовало удачам имама, так как еще не сформировалась прослойка местного духовенства, которое могло противостоять суфийским идеям имама, некому было противопоставить «реалистическое направление коренного мусульманского учения»⁵.

Однако далеко не все народы были готовы принять Мансура, например абазины не поверили его посланникам, утверждавшим, что они проповедники «от турецкой власти», имевшие «учителя из чеченцев»⁶. Но в большинстве своем историки отмечали, что он был проповедником газавата, направленного против русских, религиозным реформатором, деятельность которого предшествовала действиям имамов первой половины XIX века, а заложенные им идеи развились в мюридизм⁷.

Участь Мансура после пленения была связана с тем, что правительство видело в нем «опасного политического агитатора и подозревало в нем турецкого агента»⁸. Но Николай Федорович Дубровин отмечал,

¹ *Корольков М.Я.* Шейх-Мансур Анапский. (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. — 1914. Кн. V. — С. 411.

² *Фарфоровский С.* Указ. соч. — С. 831; *Корольков М.Я.* Указ. соч.; *Юдин П.* Лжепророк Ушурма — Ших Мансур... — С. 218; *Александров И.* Указ. соч. — С. 25.

³ *Фарфоровский С.* Указ. соч. — С. 830.

⁴ *Корольков М.Я.* Указ. соч. — С. 411.

⁵ *Александров И.* Указ. соч. — С. 37.

⁶ Там же. — С. 18–19.

⁷ *Потто В.А.* Два века терского казачества... — С. 149; *Корольков М.Я.* Указ. соч. — С. 410; *Александров И.* Указ. соч. — С. 3.

⁸ *Корольков М.Я.* Указ. соч. — С. 415.

что архивные документы решительно опровергают любые попытки показать имама турецким эмиссаром или пришельцем¹.

Новая советская идеология, поставившая во главу угла вопрос борьбы с колониализмом, сместила исследовательскую оптику: актуальными стали вопросы, связанные с национально-освободительной борьбой, которая противопоставлялась шовинистической политике Российской империи². Именно этим сюжетам предполагалось уделять наибольшее внимание. Отныне в эти рамки советские историки пытались вписать и историю Северного Кавказа, а оценки, которые были даны тем или иным событиям Михаилом Николаевичем Покровским, вставшим во главе марксистской исторической науки, были возведены в абсолют. Так произошло и с движением Мансура, который был признан «первым кавказским революционером», попытавшимся объединить все народы Северного Кавказа против российской власти³. Именно так, следуя этому высказыванию академика, конструировался образ шейха и возглавляемого им движения.

В 1920-е — начале 1930-х годов число представителей научной интеллигенции в Чечне было незначительным, а качество их подготовки находилось на достаточно низком уровне, что обуславливалось отсутствием высших и средних специальных учебных заведений. Поэтому в рассматриваемое время только начала зарождаться сеть учреждений, которые могли бы проводить научные исследования на должном уровне⁴. Большую роль в создании новой советской концепции движения Мансура сыграли работы Абдурахмана Авторханова, остававшиеся на протяжении длительного времени единственными сводными историческими очерками, в которых последовательно рассматривалась история Чечни⁵. К моменту написания своих работ он не имел специального образования, поэтому, очевидно, не пытался выстроить какой-либо стройной концепции.

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества... С. 87.

² Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. — М.: ИРИ РАН, 2014. — С. 131.

³ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. — М.: Изд-во «Красная новь», 1923. — С. 208.

⁴ Эльбиздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20–30-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Ростов н/Д: [б.и.], 2013. — С. 40–41.

⁵ Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. (Критико-библиографический обзор) // Труды [Чечено-Ингушского НИИ истории при СМ ЧИАССР]. Т. VIII. Вып. I. — Грозный: [б.и.], 1963. — С. 26.

При этом он четко следовал идеологическим установкам, вписывая историю Чечни в общесоветский контекст¹.

Чеченские советские ученые, работавшие на поприще истории, попытались описать историю Чечни конца XVIII века с марксистских позиций. Уже первый специальный очерк, посвященный Мансуру, имел «агиографический» характер: автор писал, что чеченцы под командованием шейха уничтожали русские войска, «забрасывая их горстями земли, которая обращалась в его руках в страшное оружие», снабжал голодающих хлебом². Они рассматривали движение в контексте колониальной политики России в регионе. Абдурахман Авторханов констатировал: «Чрезвычайно отсталая экономика и техника, отсутствие всяких культурных сил, господствующее положение мусульманской религии, единственной тогда духовной пищи чеченца, окутывали национально-освободительное движение религиозной оболочкой и цементировали его крепостью ислама». Однако, несмотря на это, он признавал движение чисто политическим, преследовавшим национальное освобождение³. Им признавался «светский» характер религии, а движение Мансура и Кавказская война, по его мнению, «придали мюридизму бесспорно политический характер»⁴. Причина движения обосновывалась расширением колониальной экспансии Российской империи, которая стремилась захватить новые торговые пути и укрепить тем самым свое положение на юге⁵.

Для этого периода характерно гипертрофированное восприятие по сути своего локального восстания. Ученые придавали чрезвычайно боль-

¹ Некоторые не бесспорные рассуждения о мировоззрении А.Г. Авторханова и отражении истории Чечни в его ранних работах см.: *Акаев В.Х.* Ранний Авторханов. (К становлению исторических взглядов Абдурахмана Авторханова) // Абдурахман Авторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения, 30–31 мая 1994 г. / Отв. ред. В.Х. Акаев. — Грозный: [б.и.], 1994 — С. 3–9; *Нашихоев М.* Проблемы истории Чечни в ранних работах А. Авторханова // Абдурахман Авторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения, 30–31 мая 1994 г. / Отв. ред. В.Х. Акаев. — Грозный: [б.и.], 1994 — С. 20–23.

² *Шеритов З.* Шейх Мансур. (Краткий историко-биографический очерк) // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. — [Грозный]: Изд. Чеченского отдела народного образования, 1927. — С. 151.

³ *Авторханов А.* Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. — Ростов н/Д: Изд-во «Северный Кавказ», 1931. — С. 8.

⁴ *Авторханов А.* К основным вопросам истории Чечни. (К десятилетию Советской Чечни). — [Грозный]: Серло, 1930. — С. 9.

⁵ *Абазатов М.* Мансур Ушурма // Грозненский рабочий: Орган обкома и горкома ВКП(б) и Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. — 1939. № 111. — С. 3.

шое значение разгрому отрядов Николая Пъери, указывая, что именно этот факт заставил российские власти переоценить все движение¹. И именно тогда царское командование, пытаясь ослабить Мансура, стало привлекать на свою сторону местных владетелей².

Движение было признано общекавказским на том основании, что по призыву Мансура, кроме чеченцев, к нему стекались народы Дагестана, ингуши, осетины и черкесы³, а он сам «сделался постепенно подлинным вождем национальной освободительной борьбы горцев всего Кавказа». При этом ничего не говорилось о скором отходе от него большей части местного населения. Следуя своей стройной концепции, авторы писали о том, что Мансур в своих воззваниях призывал объединиться против царского режима⁴. Однако тут же А.Г. Авторханов констатировал, что «отсутствие поддержки всех племен Северного Кавказа» сыграло злую шутку и поэтому движение потерпело поражение⁵.

Не отрицались и возможные связи шейха с Турцией, которая могла помочь единоверцам⁶. Религиозная идея являлась фактором объединения, единственно доступным и понятным горцам для консолидации своих сил, но М.Н. Покровский отмечал, что недостаточный колониальный гнет со стороны империи привел к отходу от Мансура большей части горцев⁷.

Таким образом в этот период складывалась оценка движения как национально-освободительного, несмотря на его стихийность и неорганизованность⁸.

В рамках концепции Михаила Покровского была написана и статья преподавателя Северо-Кавказского педагогического института Бориса Скитского — единственное специальное исследование раннесоветского периода, посвященное Мансуру⁹. Ученый рассматривал это движение

¹ Авторханов А. К основным вопросам... С. 11.

² Абазатов М. Указ. соч. — С. 3.

³ Авторханов А. Краткий историко-культурный... — С. 9; Абазатов М. Указ. соч. — С. 3.

⁴ Шерипов З. Указ. соч. — С. 154.

⁵ Авторханов А. К основным вопросам... — С. 11.

⁶ Шерипов З. Указ. соч. — С. 153; Авторханов А. К основным вопросам... — С. 11.

⁷ Покровский М.Н. Указ. соч. — С. 208.

⁸ Абазатов М. Указ. соч. — С. 3.

⁹ Подробнее о Б.В. Скитском см.: Цориева И.Т. «Разжигал страсть к познанию истории...»: Борис Васильевич Скитский. Человек. Ученый. Педагог // Известия СОИГСИ. — 2015. № 18 (57). — С. 103–109.

в одной цепи с деятельностью дагестанских имамов первой половины XIX века. Б.В. Скитский отмечал, что у выступления Мансура было несколько причин, среди которых расширение русского торгового капитала и классовая борьба горцев. «Движение Мансура, — писал Борис Васильевич, — было выражением классовой борьбы, обострившейся внутри горских народов к концу XVIII века. Сам имам Мансур был классовым борцом, выразителем определенных классовых интересов»¹. Характеризуя как эпоху, предшествовавшую выступлению шейха, так и само движение, историк широко привлекал в своем исследовании материалы кизлярского комендантского архива.

В полемику с Борисом Скитским по поводу материального состояния шейха Мансура вступил научный сотрудник Горского научно-исследовательского института Николай Покровский, который к середине 1930-х годов подготовил к изданию монографию, посвященную истории Кавказской войны. Он отмечал, что, судя по всему, сам Мансур относился к крестьянству среднего уровня достатка и к нему примкнули не только бедняки. При этом Н.И. Покровский констатировал, что по территориальному охвату движение не имело себе равных. «Но неоформленность и кратковременность понижают его значение в истории борьбы горцев за независимость, — отмечал ученый, — и поэтому восстание шейха Мансура может рассматриваться лишь как предвестник имамата»².

Однако в советской публицистике продолжали господствовать концепции, которые нашли отражение в небольшой брошюре выпускника историко-филологического факультета Московского университета писателя Анатолия Виноградова, который на протяжении почти четверти века работал в Румянцевском музее — Государственной библиотеке имени В.И. Ленина³. Автор вспоминал об одной из своих встреч со Львом Толстым, который, как пишет А.К. Виноградов, считал Мансура «обыкновенным европейским неудачником»⁴. Будучи прекрасным знатоком

¹ Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского педагогического института имени Гадиева. Т. IX. Юбилейный сборник / Отв. ред. Г.М. Горемыкин. — Орджоникидзе: Северо-Кавказское государственное изд-во, 1932. — С. 119.

² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 205.

³ Подробнее об А.К. Виноградове см.: Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Ж / Под ред. Н.Н. Скатова. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — С. 384–386.

⁴ Виноградов А. Шейх Мансур. — М.: Журнально-газетное объединение, 1934. — С. 7.

европейской культуры, он обращался к истории о Джованни Батиста Ботти и, по сути своей, воспроизводил этот фантастический сюжет, вписывая его в один ряд с такими авантюристами XVIII века, как Джакомо Казанова и Алессандро Калиостро.

Начавшаяся в 1920-е годы научная разработка истории Чечни в вопросе о характере движения шейха Мансура закрепила за ним характеристику религиозно обусловленной борьбы против колониальной империи, которая была поддержана большинством народов Северного Кавказа. Но недостаточное обращение исследователей к архивным документам не позволило существенно расширить дореволюционную фактологию. При этом у русских авторов XIX века была заимствована и концепция, согласно которой Кавказская война рассматривалась логическим продолжением движения Мансура.

Развитие научных исследований в области кавказоведения в последующий период связано с двумя событиями: депортацией чеченцев и ингушей, состоявшейся в феврале 1944 года, а также с совещанием историков, прошедшим летом того же года. Выселение вайнахов в Среднюю Азию фактически привело к тому, что эти народы оказались вычеркнутыми из истории Северного Кавказа: в местных музеях ликвидировались экспозиции, посвященные их быту и культуре, а историки вынуждены были обходить в своих исследованиях темы, посвященные им¹. Даже советская историография признавала, что в этот период «очевиден явный упадок в деле изучения истории края и его коренного населения»².

Совещание историков, состоявшееся летом 1944 года, стало ключевым в переоценке истории народов Северного Кавказа. Здесь выступил писатель Хорен Аджемян, который предлагал пересмотреть характеристику Кавказской войны как народно-освободительной, а движение имама Шамиля рассматривать как реакционное³. Свои идеи он развил в докладе «Об исторической сущности кавказского мюридизма», представленном в рамках дискуссии, прошедшей в 1947 году в Институте истории

¹ Некоторые замечания о развитии исторических исследований в этот период см.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 225–245.

² Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Указ. соч. — С. 45.

³ См. выступление Х.Г. Аджемяна: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / Публ. Ю.Н. Аминатова, З.Н. Тихоновой // Вопросы истории. — 1996. № 2. — С. 61–67.

АН СССР¹. Несмотря на то что здесь не был назван шейх Мансур, но возглавляемое им движение, которое неразрывно было связано с понятием «мюридизм», не могло остаться незамеченным. И спустя несколько лет о нем вспомнил первый секретарь ЦК компартии Азербайджанской ССР Мирджафар Багиров. В своей программной статье «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», опубликованной в журнале «Большевик», он писал: «Немало документов свидетельствуют о том, что мюриды принимали активное участие в действиях, направленных против России еще в конце XVIII века, выступая в качестве агентуры турецкого султана. В 80-х годах XVIII столетия на Кавказе появился турецкий эмиссар шейх Мансур, который занялся активной пропагандой мюридизма среди черкесов и других горских племен»².

В русле данных оценок были написаны работы, выходявшие на протяжении 1950-х годов. Авторы вписывали движение под руководством Мансура в череду событий, связанных с попытками Турции распространить свое влияние на Кавказе, возводя начало этого процесса к XVI веку. И если одни историки называли Мансура «турецким эмиссаром», ссылаясь исключительно на статью М.А. Багирова, то другие прямо заявляли, что он был «турецким агентом», который «распространял мюридизм и призывал к газавату против России»³. Однако, изучив и проанализировав большой массив архивных документов, Николай Смирнов чрезвычайно объективно описал это движение, используя тезис о турецком влиянии исключительно для прохождения работ в печать⁴. Он

¹ *Закс А.Б.* Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. — 1947. № 11. — С. 134–140. Подробнее о Х.Г. Аджемьяне и его роли в переоценке сюжетов из истории Кавказа см.: *Тихонов В.В.* Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2013. — С. 110–117.

² *Багиров М.Д.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. — М.: Госполитиздат, 1950. — С. 9. См. разбор этого сюжета: *Tillett L.* The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969. — P. 148–170.

³ *Бушув С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. — Нальчик: Кабардинское книжное изд-во, 1956. — С. 92.

⁴ См. также: *Смирнов Н.А.* Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура накануне Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Сборник по истории Кабарды. Вып. I / Ред. Н. Смирнов, Б. Цавкилов. — Нальчик: Кабардинское государственное изд-во, 1951. — С. 81–119.

решительно отверг любые попытки представить Мансура не чеченцем, заявляя о том, что фантастические рассказы о его итальянском происхождении — это «сплошной вымысел»⁵. Говоря о возможном влиянии турок на методы мобилизации Мансуром новых участников своего движения, ученый употребляет такой оборот, как «быть может»⁶. И лишь с момента ухода за Кубань в 1787 году Н.А. Смирнов признает начало сотрудничества Мансура с турками, что подтверждается большим числом документов. Историк приходит к выводу, что шейха поддерживали на начальном этапе самые разные слои населения: и местные владельцы со старшинами, выжидавшие четкого определения расстановки политических сил, и бедное крестьянство⁷. Им была предложена новая трактовка роли религии в движении: «Попытка объединения горцев под флагом ислама на борьбу против России не встретила с их стороны сочувствия, его требование строгого выполнения предписаний шариата вызвало упорное противодействие»⁸.

В этот период действия Мансура объяснялись историками деятельностью Турции по подготовке к началу очередной Русско-турецкой войны. Они рассматривали его попытки по распространению своего движения на Северо-Западный Кавказ как возможность установления связи с турецкими эмиссарами на Черноморском побережье⁹. Кроме того, некоторые авторы замечали, что деятельность Мансура была призвана отвлечь русские войска от «главных направлений борьбы с Турцией»¹⁰. Предпринимались попытки вписать движение в общую борьбу северокавказского крестьянства. В общем разделяя тезис об инспирированности деятельности Мансура Турцией, Б.В. Скитский выделял период 1785–1786 годов и участие в движении кумыков, а причиной их участия называл «наступление феодалов на эксплуатируемые массы». Но Мансура поддерживали и некоторые северокавказские владельцы, которые

⁵ Смирнов Н.А. Турецкая агентура под флагом ислама. (Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей / Отв. ред. В.Д. Бонч-Бруевич. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 13.

⁶ Смирнов Н. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. — 1950. № 10. — С. 31.

⁷ Смирнов Н.А. Турецкая агентура... — С. 36–37.

⁸ Смирнов Н. Шейх Мансур... — С. 37–38.

⁹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 100–101; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. — М.: Соцэкгиз, 1958. — С. 135–162.

¹⁰ Бушуев С.К. Указ. соч. — С. 92.

боялись потерять свое влияние как результат возросшей роли России в регионе¹. Однако уход Мансура с Терека, по мнению Б.В. Скитского, привел и к окончанию движения кумыкского крестьянства, признаваемого им «антифеодальным», которое «было направлено и против царизма, поскольку он стоял за спиной феодалов»².

В целом послевоенная советская историография сначала стала выявлять в национальных движениях реакционные стороны. А затем произошла переоценка событий и присоединение к России стало расцениваться исключительно как прогрессивное явление³. Под таким углом зрения начали рассматривать и историю движения шейха Мансура, которое из национально-освободительного превратилось в реакционное и инспирированное иностранной державой.

Постепенное возвращение чеченцев из ссылки, связанное с этим процессом появление новой национальной интеллигенции вызвало рост интереса к региональной истории. Желание найти свое место в истории большой страны и показать, что путь, пройденный «репрессированным народом», не отличается от пути других народов Советского Союза, — это, пожалуй, главный маркер выходявших в 1960–1970-е годы работ. Именно этим обусловлена попытка вписать историю чеченцев в общесоветский нарратив, найдя в ней «национальных героев», которые боролись против «царизма». И поскольку история Кавказской войны оказалась уже «забронированной», а ее разработкой занимались в основном дагестанские ученые, чеченские историки были вынуждены обратиться к более поздним и ранним периодам. Это, с одной стороны, гарантировало относительную безопасность, так как период «капитализма», так или иначе, мог продемонстрировать не только «борьбу пролетариата», но и подвести к участию чеченцев и ингушей в установлении советской власти на Северном Кавказе. С другой стороны, движение Мансура, которое удачно вписывалось в череду «крестьянских войн» XVII–XVIII веков: восстания под пред-

¹ Букалова В.М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII века // Вопросы истории. — 1961. № 6. — С. 84.

² Скитский Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. [1956] // Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное / Сост., введ. ст. А.К. Джанаева. — Орджоникидзе: [б.и.], 1972. — С. 162–163.

³ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 105.

водительством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Тем более у последнего к тому моменту в советском национальном пантеоне «борцов за свободу» уже появился башкирский сподвижник Салават Юлаев.

Если обратиться к историографическому обзору литературы по истории Чечено-Ингушетии, вышедшему в 1963 году, «восстание шейха Мансура» в нем лишь упоминается, но никак не характеризуется¹. Однако спустя четыре года в первом томе академических «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», подготовленном местными республиканскими и московскими специалистами, появился небольшой раздел, посвященный движению Мансура. Здесь оно рассматривалось в контексте «агрессивных происков иранских и турецких завоевателей». Авторы отмечали, что Турция проявляла чрезвычайный интерес к движению. Констатируя, что «классовое» и «антиколониальное», оно находилось в религиозной оболочке, однако именно поэтому, по их мнению, и не нашло поддержки у чеченцев и ингушей, которые лишь недавно восприняли ислам в качестве религии. Здесь же приводились аргументы, преувеличивавшие роль движения под руководством шейха Мансура, как катализатора Русско-турецкой войны².

Ученые отмечали гибридность этого движения, сочетавшего религиозные, антиколониальные и антифеодальные черты, призванного отвлечь Россию от событий в других частях Кавказа³. Участие чеченцев в нем связывалось с «тяжелыми условиями царского колониального режима», а не сложившимися общественными отношениями, которые признавались «недозрелым» феодализмом⁴. Но из этого делался парадоксальный вывод о том, что вкупе с другими факторами (внешнеполитическими, экономическими) присоединение Чечни и Ингушетии к Российской империи было крайне необходимо⁵. С другой стороны, более ранние историографические концепции продолжали бытовать в сочинениях историков и движение рассматривалось как «антирусское

¹ Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Указ. соч. — С. 61.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I / Отв. ред. Н.А. Смирнов. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1967. — С. 87.

³ Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI–XVIII веков. — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — С. 83.

⁴ Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: [б.и.], 1972. — С. 28–29.

⁵ Там же. — С. 30.

восстание», от которого в скором времени отошло большинство его участников, так как «программа шейха не выражала интересов широких слоев населения»¹.

Середину 1970-х годов можно назвать эпохой, когда окончательно складывался новый «национальный» нарратив и «цементировались» оценки, которые просуществуют последующий советский период и будут оказывать влияние на современную российскую историографию. Важным стало то, что движение рассматривалось как объединяющий фактор в истории народов Северного Кавказа, вопреки историческим фактам, согласно которым Мансур очень скоро оказался покинут большинством своих сторонников. Констатировалось, что среди его участников, «безусловно, преобладало крестьянство, определившее антифеодальную направленность восстания»².

Этот период — время поиска «классического» феодализма на Кавказе, в том числе и в Чечне. И историки находили его здесь, так же как и вассальную зависимость, на основе чего пытались выстроить нечто похожее на европейскую феодальную лестницу. Помимо приглашенных из Дагестана и Кабарды «князей», национальные ученые обнаруживали и «феодальных владельцев» местного происхождения, они также выделяли разные страты в среде независимого узденства³.

Происходило чрезвычайное расширение географии движения под руководством шейха Мансура, в него включались помимо Чечни весь Дагестан, Кабарда, Черкесия, объединенные единой религией⁴. Шарпудин Ахмадов видел «за религиозными лозунгами... призывы к борьбе против политики царского правительства и местных эксплуататоров», поддерживаемые исключительно беднейшими слоями населения⁵.

¹ *Феофилактова Т.М.* Северо-Западный Кавказ во внешней политике России во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ростов н/Д: [б.и.], 1975. — С. 17.

² *Ахмадов Ш.Б.* Народное движение в Чечне в конце XVIII века: автореф. дис. ... Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М.: [б.и.], 1974. — С. 8. См. также: *Ахмадов Ш.Б.* Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия [Чечено-Ингушского НИИ языка и литературы]. Т. IX. Вып. 1. Ч. 3: Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. (Сборник работ аспирантов) / Отв. ред. А.Г. Попов. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1974. — С. 58–74.

³ Подробнее см.: *Ахмадов Ш.Б.* К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.) / Отв. ред. А.Г. Попов. — Грозный: [б.и.], 1979. — С. 49–69.

⁴ *Ахмадов Ш.Б.* Народное движение в Чечне... — С. 9.

⁵ Там же. — С. 11.

Таким образом, в советской историографии, несмотря на более ранние оценки, складывался канон, закреплявший за движением Мансура характеристики «народного», «антифеодального» и «антиколониального», которое, однако, не поддерживалось широкими слоями общества и поэтому потерпело поражение¹.

Позднесоветская историография во многом наследовала подходы 1960–1970-х годов, однако выделялся и ряд противоречий. Связано это было, прежде всего, с получившей широкое распространение концепцией «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России»². Ее авторы отрицали господствовавшие до этого в науке мнения относительно окончательного присоединения региона в результате Кавказской войны. Они рассматривали вхождение как длительный многовековой процесс, завершившийся в XVIII веке прошениями от большинства чеченских и ингушских обществ о принятии их в подданство России³.

Судя по всему, данная концепция должна была продемонстрировать «древние корни» единения народов страны, подводя тем самым основу для формирования «советского народа». С другой стороны, она должна была несколько «приглушить» проявления национального движения, которое с возвращением чеченцев и ингушей из депортации стало все больше и больше беспокоить местные партийные органы. Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Александр Власов писал по этому поводу: «Образование советского народа как новой исторической общности имеет глубокие корни. Заслуживает всяческой поддержки стремление

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 14: Таанак — Фелео / Гл. ред. Е.М. Жуков. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — С. 923.

² В историографии до сих пор есть как противники, так и сторонники данной концепции. Не останавливаясь специально на этом сюжете, укажу, что позиция противников суммирована В.А. Шнирельманом, а сторонников — С.Л. Дударевым. См.: *Шнирельман В.А.* Указ. соч. — С. 270–286; *Дударев С.Л.* В.Б. Виноградов и судьба инновационной концепции русско-чечено-ингушского единства. (Рассуждения ученика и современника) // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. — М.: Илекса, 2011. — С. 401–406. Хотя и кратко, но на этой концепции останавливается в своих мемуарах и ее автор профессор В.Б. Виноградов. См.: *Виноградов В.Б.* Мои журналистские и общественные университеты. — М.; Армавир: АГПА, 2006. — С. 29–38.

³ Подробнее см.: *Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г.* Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России [1980] // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. (К 70-летию со дня рождения) / Отв. ред. С.Л. Дударев. — Армавир: АГПА, 2008. — С. 207–217.

ученых глубоко раскрыть огромное значение тесных и многосторонних связей народов Кавказа с русским и другими братскими народами нашей Родины...»¹

Но несмотря на это, Мансуру по-прежнему продолжали уделять значительное внимание. Да, он не совсем вписывался в стройную концепцию «добровольного вхождения», но большинство авторов признавали прогрессивный характер движения, говоря о том, что оно «явилось ярким проявлением самоотверженной борьбы трудового крестьянства против феодального гнета и колонизаторских претензий царизма»². Подчеркивалось, что оно возникло вследствие обострения социальных противоречий в результате феодализации общества и попыток империи утвердиться в регионе³. Доходило до того, что движение, возглавляемое Мансуром, рассматривалось в качестве одного из этапов присоединения народов Кавказа к России, а благодаря ему якобы были заложены «основы государственного устройства горцев»⁴.

Ученые отмечали неоднородность горцев, вставших под знамена Мансура, а его политика в социальных вопросах признавалась противоречивой, что вкупе с военными неудачами и политикой российских властей, направленной на привлечение местных владетелей на сторону империи, привело к отходу значительной части последователей от имама⁵. Таким образом, отсутствие единства стало важным фактором в распаде

¹ Власов А.В. В братской семье. (Вступительное слово) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 октября 1979 г., г. Грозный / Отв. ред. А.А. Нарочницкий. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. — С. 13.

² Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785–1791 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Ростов н/Д: [б.и.], 1992. — С. 3. Схожее мнение см.: Борчаивили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX веках. — Тбилиси: Мецниереба, 1988. — С. 223.

³ Умаханов М.-С.К. Отношение дагестанцев к движению горцев Северного Кавказа во главе с шейхом Мансуром (Ушурмой) в 1785–1791 гг. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. М.Б. Мужухоева, А.И. Хасбулатова. — Грозный: [б.и.], 1990. — С. 53.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение... — С. 7, 36.

⁵ Кияпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.). — М.: Изд-во Московского университета, 1984. — С. 68; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. — М.: Наука, 1988. — С. 454; Умаханов М.-С.К. Отношение дагестанцев к движению... — С. 54; Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение... — С. 24.

движения, в конечном счете у него осталось небольшое число сторонников, а представители местной милиции, сформированной из осетин, ингушей и кабардинцев, принимали участие в противостоянии на стороне русских войск¹.

Дискуссионным оставался вопрос о роли Турции. С одной стороны, подчеркивалась недооценка в историографии «турецкого фактора» и заявлялось, что движение Мансура «было организовано Турцией, помогавшей ему всеми средствами»². С другой стороны, некоторые авторы писали о том, что Османская империя пыталась использовать Мансура и лишь на последнем этапе движение приняло антирусский характер, что демонстрировали постоянные контакты имама с турецкими эмиссарами³.

В условиях советского атеистического общества историки выражали разное отношение к идеологической основе движения. С одной стороны, именно пропаганда исламских идей социального равенства притягивала к Мансуру большое число сторонников⁴, с другой — религиозная направленность движения «не могла привести к значительным успехам», а горцы были дезорганизованы и не могли выдвинуть какой бы то ни было политической программы⁵. Третьи же говорили о том, что именно военные неудачи способствовали распространению исламской идеологии как некоего объединяющего фактора⁶.

Позднесоветская историография ознаменована выходом специального исследования, посвященного деятельности Мансура⁷. Основываясь на большом массиве архивных документов, прежде всего извлеченных из фонда Г.А. Потемкина, автор попытался последовательно рассмотреть движение, выделив в нем отдельные этапы и описав их. Однако если один рецензент видел в работе попытку продемонстрировать «деколонизацию» истории, дающую возможность самим чеченцам взглянуть на Мансура через призму своего жизненного опыта и обосновать подход «больше

¹ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. — С. 68.

² Там же. — С. 67.

³ История народов Северного Кавказа... — С. 457; Борчаишвили Э.А. Указ. соч. — С. 223, 224; Умаханов М.-С.К. Отношение дагестанцев к движению... — С. 53.

⁴ Борчаишвили Э.А. Указ. соч. — С. 223.

⁵ Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение... — С. 35.

⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. — С. 67.

⁷ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. (Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в.). — Грозный: Книга, 1991. Позиции автора проанализированы выше на основе защищенной им в 1992 г. докторской диссертации, легшей в основу монографии.

на фактах, чем на официальной точке зрения»¹, то другой писал, что автор «довольно часто историческую версию выдает за исторический факт»².

Не обошли своим вниманием личность Мансура и северокавказские эмигранты. Оказавшись на чужбине, они всячески пытались подчеркнуть свою идентичность, доказав, что их борьба начала XX века была своеобразным логическим продолжением деятельности шейха, который «объединил в борьбе за независимость почти всех горцев в братский союз»³. Первым к образу Мансура обратился некий его потомок, скрывавшийся за псевдонимом «Нарт». Впервые его работа вышла в 1924 году, а затем была неоднократно републикована⁴. Впоследствии созданный им образ оказался востребованным в годы Второй мировой войны, когда коллаборационистские издания пытались показать необходимость общей борьбы народов Кавказа с Советской Россией.

Легенда о том, что Мансур получил прекрасное мусульманское образование, кочует из одной эмигрантской работы в другую. Якобы именно в этом причина того, что он «начинал думать, что человеку нет спасения, как только в святом учении Корана», а после — отправился в Дагестан, славившийся своим исламским образованием⁵.

Очерк, написанный потомком Мансура, был составлен человеком образованным, хорошо знакомым с русской литературой XIX века. Автор излагал легенду о том, что отец Мансура употреблял табак, запрещенный исламом, и тогда сын пообещал зарезать себя, если он не откажется от дурной привычки. Этот сюжет был явно заимствован автором из русской дореволюционной литературы об имаме Шамиле, который, согласно преданиям, также обещал покончить с собой, если его отец не перестанет употреблять

¹ Gammer M. A Preliminary to Decolonizing the Historiography of Shaykh Mansur // *Middle Eastern Studies*. — 1996. Vol. 32. Iss. 1. — P. 198.

² Гаджиев В.Г. «Если тебя поведут как Мансура к виселице, держись мужественно, ибо мир не постоянен» // Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях) / Вступ. статья, примеч., ред. В.Г. Гаджиева. — Махачкала: [б.и.], [1994]. — С. 25.

³ За свободу и независимость Кавказа. Прометеевское движение в секретных документах и материалах участников, наблюдателей и противников / Сост., предисл., пер., примеч. Г. Мамулиа, Р. Абуталыбова. — Париж; Баку: JekoPrint, 2020. — С. 56.

⁴ Второе издание этой статьи вышло в журнале «Кавказский горец» в 1925 г. в Праге, а в третий раз она была переиздана в 1943 г. в коллаборационистской газете «Газават».

⁵ Нарт. Жизнь Мансура — великого борца за независимость кавказских горцев. — [б.м.]: [б.и.], 1924. — С. 11, 13; Джабаги В.-Г. Шейх Мансур // Свободный Кавказ: Орган кавказской национально-демократической мысли. — 1953. № 1 (16). — С. 12.

спиртное. Нарт называл Мансура «Колумбом кавказской независимости»⁶, проводя нить к освободительной борьбе горцев начала XX века.

Именно глубокими религиозными познаниями Мансура приписывают и основания тарикатского ордена, благодаря которому удалось объединить народы Северного Кавказа, поднявшиеся «чтобы защитить свое отечество от врагов»⁷. Он, по мнению эмигрантских авторов, выступил не только против Российской империи, но и против розни, существовавшей между местными народами⁸. Движение Мансура рассматривалось как предвестник Кавказской войны, а основы тарикатского учения имама Шамиля были, считали они, продолжением идей Ушурмы⁹.

Перешедший в годы Второй мировой войны на сторону фашистской Германии Абдурахман Авторханов писал, что Мансуром было создано первое на Северном Кавказе независимое государство¹⁰. Другие же отмечали, что ни о какой государственности говорить невозможно, так как ему не удалось даже объединить горцев, однако «он вызвал порыв к борьбе на всем пространстве от берегов Каспийского до берегов Черного моря»¹¹.

Образ шейха Мансура, каким он сейчас предстает перед нами, во многом был сформирован именно советской исторической наукой, которая либо однозначно представляла его турецким агентом, либо рисовала его деятельность исключительно в патриотически-идиллических тонах. А заявления о том, что «память о Мансуре сохраняется и воспроизводится из поколения в поколение посредством воспоминаний, рассказов и легенд»¹², — не более чем попытка вписать в советский пантеон региональной «национально-освободительной борьбы» своего героя.

⁶ Нарт. Указ. соч. — С. 23.

⁷ Байтуган Б. Тарикатское учение на Северном Кавказе // Газават: Еженедельная газета Северо-кавказского национально-освободительного движения. — 1943. № 37. — С. 7.

⁸ Джабаги В.-Г. Указ. соч. — С. 12–13.

⁹ Байтуган Б. Указ. соч. — С. 7; «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана / Публ. С.М. Исхакова // Вопросы истории. — 2001. № 5. — С. 11.

¹⁰ Мансур М. На волнах священной войны // Газават: Еженедельная газета Северо-кавказского национально-освободительного движения. — 1944. № 10. — С. 1; Уралов А. (Авторханов А.) Народоубийство в СССР. Убийство чеченского народа. — Мюнхен: Свободный Кавказ, 1952. — С. 10.

¹¹ «Кристаллизация» горского освободительного движения... — С. 10.

¹² Юсупов М.М. Шейх Мансур в исторической памяти народа // Шейх Мансур и народно-освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции / Отв. ред. В.Х. Акаев. — Грозный: [б.и.], 1992. — С. 35.

Парадоксально, что трагические события, развернувшиеся в Чечне в 1990-е годы, не привели к усилению интереса к истории этого региона. Несмотря на это, современная российская историография не смогла обойти вниманием Мансура, и он по-прежнему остается той фигурой, которую нельзя не упомянуть, говоря о русско-чеченских и, шире, русско-кавказских отношениях.

Авторы, писавшие о Мансуре на протяжении последних 30 лет, в основном концентрировались на переосмыслении хорошо известных ранее фактов, без привлечения новых архивных материалов¹. При этом смешение разных концепций привело к тому, что история возглавляемого им движения не только не стала яснее, но выглядит еще более запутанной, чем это было раньше. По-прежнему большинство историков воспроизводят советскую оценку, приписывая ему «народно-освободительный» характер². Причинами успехов Мансура уже называют не только админи-

¹ См., например: *Лесин В.* Шейх Мансур // *Родина*. — 1994. № 3–4. — С. 56–60; *Лесин В.И.* О чем поведал тайный агент. (К вопросу о личности шейха Мансура) // *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции, г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г.* / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. — Краснодар: [б.и.], 1995. — С. 231–239; *Meskhidze J.* Imam Shaykh Mansur: a few stanzas to a familiar portrait // *Central Asian Survey*. — 2002. Vol. 21. Iss. 3. — P. 301–324; *Мусхаджиев С.Х.* Исламский узел Кавказской войны. Идеологический и политический аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX в.). — Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006. — С. 42–66; *Дударев С.А.* Еще раз о «турецком следе» в движении шейха Мансура // *Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения*. — М.: Илекса, 2011. — С. 382–386; *Гапуров Ш.А.* К истории освободительного движения в Чечне в конце XVIII в. под руководством шейха Мансура // *Ахмат-Хаджи Кадыров и Актуальные проблемы истории Чеченской Республики и России: Сборник материалов, посвященный 60-летию со дня рождения Первого президента Чеченской Республики Героя России Ахмата-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова* / Отв. ред. Ш.А. Гапуров. — Грозный: Грозненский рабочий, 2011. — С. 47–64; *Чирг А.Ю.* Шейх Мансур на Северо-Западном Кавказе (1787–1791 гг.) // *Диалоги с прошлым: Исторический журнал*. — 2012. № 7. — С. 64–68; *Конкин Д.В.* Шейх Мансур и его последователи в Крыму (конец XVIII в.) // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной конференции (Севастополь. 6–10 октября 2020 г.)*. Т. 2 / Отв. ред. А.Д. Васильев. — М.: ИВ РАН, 2020. — С. 134–138 и др.

² *Феофилактова Т.* Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй Русско-турецкой войны 2-й пол. XVIII в. (1783–1787 гг.) // *Россия и Черкесия (вторая половина XVIII–XIX вв.)* / Гл. ред. З.Ю. Хуако. — Майкоп: Меоты, 1995. — С. 66; *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. — М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. — С. 226; *Овсянников Д.В.* К вопросу о суфийском компоненте в миссионерской деятельности шейха Мансура // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. — 2014. № 2. — С. 17.

стративную политику Российской империи в регионе и деятельность турецких эмиссаров, занимавшихся антирусской пропагандой, но и внутренние факторы, сформировавшиеся в недрах чеченского общества¹. Главными идеями, продвигавшимися Мансуром, были объединение для борьбы против русских, а также организация внутренней жизни на основе исламского права. Однако сила устоявшихся норм обычного права, регулировавших жизнь чеченского общества, не дала существенно повлиять на его внутреннюю организацию². Активизация же военных действий России в регионе никак не была обусловлена деятельностью Мансура и началась за несколько лет до его проповедей, также она не была частью политики, проводимой империей, в отношении Закавказья³.

Ученые в той или иной степени сходятся во мнении, что религиозный фактор играл в движении Мансура важную роль. С одной стороны, ислам объединил бесклассовое общество, которое воспринимало все шире и глубже новую религию⁴. Местное же духовенство было недостаточно занято собственно религиозными делами, поэтому в его среде не появился лидер, способный возглавить исламизацию чеченцев. Появление Мансура «знаменовало собой переход на новую ступеньку в исламизации Чечни, после которой возвращение к традиционному язычеству или обращение в христианство становились невозможными»⁵. В исламе видели фактор единения и кабардинские владетели, которые считали, что религиозный призыв станет мощным стимулом сплочения и поможет привлечь к набегам на русские укрепления большее число людей, тем самым увеличив их доход за счет полученной добычи⁶.

И если одни историки видят в деятельности Мансура некие суфийские корни⁷, а также выросший на их базе «мюридизм»⁸, то другие признают эти версии несостоятельными, так как, с одной стороны, нет ис-

¹ *Виноградов Б.В.* История российского Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. — Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2010. — С. 109, 143.

² *Блиева З.М.* Русско-чеченские отношения в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. — 2003. № 12. — С. 59.

³ *Бирюков А.В.* Российско-чеченские отношения в XVIII — середине XIX века // Вопросы истории. — 1998. № 2. — С. 47.

⁴ *Овсянников Д.В.* Указ. соч. — С. 17.

⁵ *Блиева З.М.* Указ. соч. — С. 59.

⁶ *Феофилактова Т.* Политические отношения России... — С. 67; *Виноградов Б.В.* Указ. соч. — С. 130.

⁷ *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии... — С. 248.

⁸ *Виноградов Б.В.* Указ. соч. — С. 112.

точников, указывающих на получение Мансуром соответствующего специального исламского образования; с другой стороны, ничего не известно о созданных им суфийских братствах¹.

Своеобразной вехой в историографии изучения движения Мансура стала работа Владимира Дегоева, которая, с одной стороны, подвела итог в изучении данной темы, а с другой — продемонстрировала совершенно иную исследовательскую оптику. Автор постарался уйти от советских клише: здесь мы не найдем упоминаний о «национально-освободительной», «антифеодальной» или «антиколониальной» борьбе. В.В. Дегоев раскрыл эвристический потенциал всех известных на сегодняшний день опубликованных исторических источников. Отдавая должное незаурядности имама, он приходит к выводу, что «ничего разрушить и ничего создать Мансуре не удалось»².

Дошедшие до нас источники не могут приоткрыть завесу тайны над внутренним миром Мансура. Мы фактически ничего не знаем ни о его знакомстве с религией, ни об отношении к общеправовым нормам, а также не имеем представления об уровне его грамотности. Поэтому необходимо постоянно иметь в виду, что любое заявление, связанное с его биографией, может быть оспорено, а любой «факт» необходимо сопровождать словом «возможно». Как отмечал В.В. Дегоев, вся недосказанность источников не лишает нас права искать ответы на множество вопросов, «опираясь на предположения, которые не противоречат общей логике доподлинно установленных событий»³. Именно поэтому биография Ушурмы легендарна, обрастает массой «подробностей», которые множатся исключительно благодаря фантазии того или иного историка. В заключение можно вспомнить слова о Мансуре, написанные в начале XX века, которые и сегодня не теряют своей актуальности: «История как его самого, так и проповеданного им тарикатского учения до сих пор вполне не выяснена»⁴.

¹ Овсянников Д.В. Указ. соч. — С. 19, 20.

² Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). — М.: Издатель Модест Колеров, 2013. — С. 246.

³ Там же. — С. 168.

⁴ Энциклопедический словарь. Т. XXXIX: Чугуев — Шен. — СПб.: Тип. Акционерного общества Брокгауз — Ефрон, 1903. — С. 378.

СОДЕРЖАНИЕ

Шейх Мансур в зеркале свидетельств современников и исторических исследований. (Вместо предисловия)	5
Империя, Чечня, Мансур	32
Археографическое предисловие	71
 ДОКУМЕНТЫ	 93
1785 год. «В Алдинской деревне оказался какой-то человек» ...	93
1786 год. «Ших таперь живет астарожно».....	226
1787 год. «Бунтовавшие горские народы... покорены в повиновение»	274
1788 год. «Намерены... сделать сильные к уграбительству попущении»	281
1789 год. «За опасностью чинимых от чеченцов нападеней»	284
1790 год. «Благоволите приказать разведать, где точно ныне сей развратник находится».....	291
1791 год. «Взят в плен... лжепророк шых»	307
Комментарии	308
Хронология	350
Именной указатель	354
Географический указатель	377
Терминологический словарь	392

Источники и литература	396
Перечень документов	430
Список сокращений	456
Иллюстрации.....	458
Карты	459
Благодарности	460